

«лояльному» русскому правительству, быть может, понадобились бы многие десятилетия, ныне — правда, весьма «нелояльно» — обещает быть исполнено в несравненно более короткий срок и с меньшими жертвами.

Революционный процесс развивается у нас органически. При таких условиях нашим Кобленцам²⁵, как и Вандеям²⁶, едва ли благоразумно рассчитывать на успех. Революционная Россия осталась победительницей, и уже в самой себе найдет она силу преодолеть уродливые крайности своих первых шагов и опытов. Переход от состояния революции к нормальному государственному состоянию произойдет не вопреки и против революции, а через нее. Ныне уже наблюдаются первые ласточки этого перехода (разрыв Ленина²⁷ с «глупостями смольного периода»²⁸). Избежав 9 термидора²⁹, благодаря тактической гибкости большевистских вождей, мы словно уже созрели для консулата. И если уж нужны аналогии, всегда неточные, грубые и приблизительные, то можно сказать, что нынешние сражения русской армии на западном фронте, по их внутреннему смыслу, это уже не Вальми³⁰ великой русской революции. Это — ее Аркольский Мост³¹ и Маренго³².

Перерождение большевизма*

I

Эта проблема — проблема возможности «эволюционного перерождения» большевизма — силою вещей вновь выдвигается на первый план. Отказ всех противобольшевистских русских группировок от идеологии интервенции, заключение торговых договоров между Россией и европейскими державами, окончательная ликвидация организованной гражданской войны и, наконец, последние мероприятия советского правительства в области земельного вопроса, — все это, вместе взятое, заставляет русских патриотов еще раз продумать вопрос о пути нашего национального возрождения.

Очевидно, что нынешнее ужасное состояние России не может длиться без конца. Даже по самым сдержанным официальным советским

---

* «Новости Жизни», 6 апреля 1921 года. Эта статья представляет собой отклик на первые вести о «новой экономической политике» Ленина.

сведениям, картина экономической жизни страны производит столь удручающее впечатление, что дальнейшее продолжение ортодоксального коммунистического экспериментаторства грозило бы свести на нет все воистину блестящие **политические** достижения советской власти за эти три с половиной года. Сами большевики, разумеется, не могут этого не сознавать, и принуждены так или иначе реагировать на суровые требования, поставленные перед ними жизнью. Они вынуждены проверять самих себя.

«Пусть так, но они же не могут перемениться, изменить себе» — таково господствующее мнение.

Разумеется, сама советская власть его поддерживает прежде всех.

Ни от одного общего лозунга октябрьской революции она формально не отказывается и, конечно, не откажется.

Разговоры об «эволюции большевизма» встречаются самими большевиками неизменной иронической улыбкой, хотя по тактическим соображениям они подчас и оставляются ими без надлежащей прямой отповеди...

Противобольшевистские группы, со своей стороны, с глубоким скептицизмом относятся к толкам об «изживании» нынешних московских методов¹ властвования и хозяйствования. Вся наша «организованная небошевистская общественность», отвергая возможность такого изживания, считает единственным путем воссоздания русского государства путем общенациональной революционной борьбы с советами.

В этом отношении должны быть признаны чрезвычайно характерными декларации политических партий, прочитанные на недавнем парижском совещании членов Учредительного Собрания.

«Спаси Россию может лишь революционная борьба самого народа, — утверждает прочитанная Зензиновым² декларация эсеров. — Все надежды на перерождение существующей власти тщетны. Она может лишь вырождаться и действительно вырождается»...

«Фракция к.-д., — декларирует Милюков, — полагает, что при невозможности для большевизма изменить раз занятую непримиримую позицию, отказаться от мирных стремлений и от осуществления их вооруженной силой, борьба против большевизма не может кончиться взаимными уступками или принять мирные формы парламентской борьбы».

И, наконец, то же самое повторяют и энэсы³ устами Чайковского⁴: *«Исходя из глубокого убеждения, что большевики не способны к эволюции в сторону народоправства и демократической государственности... трудовая н. с. партия находит, что первой общей для всех*

поборников демократической республиканской России задачей является борьба за скорейшее сокрушение большевизма и крушение советской власти».

Таковы преобладающие настроения. Разберемся в них.

II

Весь вопрос, разумеется, в том, какой смысл вкладывается в понятие «эволюция большевистской власти». Скептическое отношение к подобной эволюции будет вполне оправданным, если мы захотим в ней видеть **отказ большевиков от своей собственной программы.**

Не подлежит, в самом деле, ни малейшему сомнению, что вожди русского коммунизма, начиная с Ленина, не могут перестать и не перестанут быть принципиальными коммунистами.

Равным образом есть много оснований полагать, что советская власть неспособна превратиться в режим формального народоправства со всеми его чертами и свойствами.

Но свидетельствуют ли эти два обстоятельства о том, что политика Москвы обречена остаться без всяких изменений в своем конкретном курсе?

Значит ли это, что большевизм чужд всякой «эволюции»?

Анализ современных настроений в правительственных верхах Советской России позволяет различать две тенденции партийной коммунистической мысли.

Первая тенденция (многие связывают ее с Бухариным⁵) отстаивает целиком тактические позиции 19 года — «ставка на немедленную мировую революцию», «никаких компромиссов с мировой буржуазией», «безоговорочное проведение хозяйственного коммунизма», чего бы это ни стоило, и т. д.

К этой доктринерской, фантастической тенденции утверждение об «эволюции» неприменимо ни в какой мере и ни с какой стороны.

Победи она в Совнаркоме, — страна покатила бы с усиленной скоростью к обнищанию и разорению, недовольство и отчаяние населения продолжали бы возрастать, а непримиримость к советской власти наших небошевистских групп обрела бы гранитную, непоколебимую основу.

Но, к счастью, не эта тенденция вдохновляет ныне политику московского правительства.

Признанным вождем и непререкаемым, несравненным авторитетом остается по-прежнему Ленин, воистину, сочетающий в себе оба свойства, определяющие, по Гегелю⁶, подлинного «героя истории»:

исключительную широту кругозора, охватывающего «очередную ступень мировой истории», и конкретную трезвость реального политика, разгадавшего «лукавство исторического Разума» и умеющего прекрасно его учитывать.

Ленин — «фантаст» и практик одновременно. Подобно примерному «государю» Макиавелли⁷, он совмещает в себе «качества льва и лисицы». В этом его сила и в этом успех большевизма, «цепкость» советской власти, непостижимая для поверхностного взгляда, для всех неожиданная и столь многих смущающая.

Ленин возглавляет ныне другую линию большевистской мысли, линию «умеренную» и «компромиссную». Прообразом этой тактики был Брест-Литовск⁸. Через три года она вновь выдвигается в перл создания.

«Мир с мировой буржуазией», «концессии иностранным капиталистам», отказ от позиции немедленного коммунизма внутри страны — вот нынешние лозунги Ленина, столь чуждые левой, доктринерской группе (между прочим, неправильно к этой группе причислять Троцкого⁹: в основных вопросах он идет за Лениным).

Невольно напрашивается лапидарное обозначение этих лозунгов: — мы имеем в них **экономический Брест большевизма**.

Ленин, конечно, остается самим собою, идя на все эти уступки. Но, оставаясь самим собой, он вместе с тем, несомненно, «эволюционирует», т. е. по тактическим соображениям совершает шаги, которые неизбежно совершила бы власть, чуждая большевизму.

Чтобы спасти Советы, Москва жертвует коммунизмом. Жертвует, со своей точки зрения, лишь на время, лишь «тактически», но факт остается фактом.

Нетрудно найти общую принципиальную основу новой тактики Ленина. Лучше всего эта основа им формулирована в речи, напечатанной «Петроградской Правдой» от 25 ноября прошлого года.

Вождь большевизма принужден признать, что мировая революция обманула возлагавшиеся на нее надежды.

«Быстрого и простого решения вопроса о мировой революции не получилось»¹⁰. Однако из этого еще не следует, что дело окончательно проиграно. «Если предсказания о мировой революции не исполнились просто, быстро и прямо, то они исполнились постольку, поскольку дали главное, ибо главное было то, чтобы сохранить возможность существования пролетарской власти и советской республики даже в случае затяжения социалистической революции во всем мире»¹¹. Нужно устоять, пока мировая революция не приспеет действительно.

«Из империалистической войны, — продолжает Ленин, — буржуазные государства вышли буржуазными, они успели кризис, который висел над ними непосредственно, оттянуть и отсрочить, но в основе они подорвали себе положение так, что при всех своих гигантских военных силах должны были признаться через три года в том, что они не в состоянии раздавить почти не имеющую никаких военных сил советскую республику. Мы оказались в таком положении, что, не приобретя международной победы, мы отвоевали себе условия, при которых можем существовать рядом с империалистическими державами, вынужденными теперь вступить в торговые отношения с нами. Мы сейчас также не позволяем себе увлекаться и отрицать возможность военного вмешательства капиталистических стран в будущем. Поддерживать нашу боевую готовность необходимо. Но мы имеем новую полосу, когда наше международное существование в сети капиталистических государств отвоевано»¹².

В этих словах следует видеть ключ решительного поворота московского диктатора на новые тактические позиции.

Раньше исходным пунктом его политики являлась уверенность в непосредственной близости мировой социальной революции.

Теперь ему уже приходится исходить из иной политической обстановки. Естественно, что меняются и методы политики.

Раньше он непрестанно твердил, что «мировой империализм и шествие социальной революции рядом удержаться не могут»: — он надеялся, что социальная революция опрокинет «мировой империализм».

Теперь он уже считает как бы очередной своей задачей добиться упрочения совместного существования этих двух сил: нужно спасти очаг грядущей (может быть, еще не скоро!) революции от напора империализма.

Отсюда и новая тактика. Россия должна приспособливаться к мировому капитализму, ибо она не смогла его победить. На нее нельзя уже смотреть как только на «опытное поле», как только на факел, долженствующий поджечь мир.

Факел почти догорел, а мир не загорелся.

Нужно озаботиться добычей новых горючих веществ.

Нужно сделать Россию сильной, иначе погаснет единственный очаг мировой революции.

Но методами коммунистического хозяйства в атмосфере капиталистического мира сильной Россию не сделаешь. И вот «пролетарская власть», сознав, наконец, бессилие насильственного коммунизма, остерегаясь органического взрыва всей своей экономической системы изнутри, идет на уступки, вступает в компромисс с жизнью.

Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от «лозунгов социалистической революции», твердо удерживая за собою политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры — «буржуазной» природы.

Вот что такое «перерождение большевизма».

— Но может ли оно привести к положительным результатам?...

III

Сейчас трудно что-либо предсказать, особенно из эмигрантского далека.

Только господа экономисты — самая заносчивая и самоуверенная порода мира двуногих, — по обыкновению, нещадно насилуют книгу времен, пророча часы и минуты всех грядущих событий: словно их ремесло — стряпанье несбывающихся пророчеств.

В настоящий момент можно констатировать лишь одно: процесс «перерождения» большевизма совершается в крайне трудных условиях.

Ленину приходится, по-видимому, выдерживать известный натиск со стороны части своей собственной партии, стоящей на старых позициях непримиримости и крайнего революционизма.

С другой стороны, он имеет дело с измученной, стихийно озлобленной на власть страной, которая каждую уступку может принять за признак внутреннего колебания власти и в каждой реформе найти стимул к восстаниям.

Не опоздала ли советская власть сойти с пути коммунистического доктринерства? Вот вопрос, разрешить который способна лишь сама жизнь.

Если политически советское правительство еще достаточно крепко, если государственный аппарат действует более или менее послушно, — «реформы» могут «пройти» и оздоровить страну. И в результате мы получим любопытную картину: диктатуру коммунистов в «буржуазной» по существу стране! Свободная торговля уже восстановлена в России и заградительные отряды — кошмар советской действительности — сняты. Заключены торговые договоры с Англией, с Италией, заключаются с остальными. Россия вновь возвращается в «цивилизованный мир»¹³.

Но, разумеется, благотворные результаты все эти компромиссные мероприятия могут дать лишь в том случае, если они будут проводиться серьезно и действенно. Иначе процесс обнищания задержать не удастся, так же как не удастся парализовать рост всеобщего недо-

вольства. Наблюдающееся в стране повсеместное недружелюбие к власти обусловлено не столько политическими, сколько экономическими причинами. Народ хочет не столько народоправства, сколько хлеба.

Как бы то ни было, с точки зрения национальной России нынешний сдвиг большевизма следует искренно приветствовать. Сохраняя «сильное правительство», нужное для страны, он ее избавляет, наконец, от тисков доктринерской и утопической, чуждой ей хозяйственной системы.

Есть много оснований думать, что, раз став на путь уступок, советская власть окажется настолько увлеченной их логикой, что возвращение на старые позиции коммунистического правоверия будут для нее уже невозможны. По-видимому, именно с этим аргументом и выступает против «новой тактики» Ленина левая, «правоверная» группа. Но если такой аргумент в какой-то мере действителен против Ленина, то с точки зрения интересов страны он абсолютно невесом: страна и не заинтересована в возвращении к ортодоксальному коммунизму.

Все будет в конечном счете зависеть от «темпа развития мировой революции».

Советская власть вступает в новую фазу своего существования. Нынешний год должен принести ответ на основной вопрос современности: суждено ли России восстановить свою экономическую мощь, сохраняя в то же время свое политическое единство, удельный вес великой державы?..

Наша генеалогия. (По поводу статьи А. В. Карташова)

А. В. Карташов¹ поместил в «Новой Русской Жизни» любопытную статью «Истоки соглашательства»². Она подходит к вопросу с оригинальной, но со своей вполне законной точки зрения. Она любопытна, эта статья, проводимым ею метким сближением «государственной лояльности» новых «соглашений из стана подлинных культурных антибольшевиков» с такою же лояльностью прежних столпов «кабинетной науки и государственной службы». Тут автор не без основания замечает своеобразную преемственность духа и традиций.

Ну, что же, нам незачем отречься от наших предков по духу и даже «родовой биографии». Вслед за А. В. Карташовым мы не бросим